

I.

Ещё вчера по улицам носились горячие песчаные вихри. За окном серо-жёлтая мгла закрывала небо и всё вокруг; даже мечети — самого высокого здания в городе — не стало видно. Но сегодня всё переменялось: над жёлтой от нанесённого песка улицей — синее-синее небо без единой тучки. Ахмет, потягиваясь после сладкого сна, подошёл к окну. Сегодня выходной, в школу спешить не нужно. Он пялился в окно, прижимаясь носом к холодному стеклу. Ему хотелось увидеть всю улицу в одну сторону, потом в другую, отчего его нос, приплюснутый стеклом, выгибался то влево, то вправо. Из-за мечети уже появилось яркое солнце, и улица разделилась на две неровные части по всей её длине: на узкую светлую — под самым домом Ахмета, и противоположную — затемнённую.

Убаюкивающее завывание песчаной бури сменилось тишиной уже после полуночи, и сегодня Ахмет проснулся раньше обычного. Проснулся от тишины.

— Стихло, слава Аллаху, — сказала мама Ахмета.

Она подошла к сыну, глянула на улицу сквозь стекло, протёрла пробившийся сквозь щели песок на подоконнике, открыла створки окна настежь. Какой-то непривычный гул привлёк слух Фатимы. Она высунулась в окно и увидела в конце улицы, за посёлком, пыльную тучу.

— Тагир! — крикнула она, повернувшись в комнату. — Посмотри: там какая-то туча.

В комнату вошёл одетый в домашнюю пижаму отец Ахмета. Он сначала прислушался, остановившись посредине комнаты, потом осторожным движением подвинул жену, выглянул на улицу.

— Большая колонна машин, — сказал глухо Тагир, — американцы, наверное, — продолжил спокойно.

И, как бы в подтверждение его слов, затрещали далёкие короткие строчки автоматов, прогремело два орудийных выстрела. Потом ещё автоматные очереди, снова гром орудий, но уже ближе.

Небольшой посёлок недолго сопротивлялся, и колонна из десятка танков и нескольких пехотных машин, практически не останавливаясь, вошла в селение, поднимая клубы принесённых недавним суховеем песка и пыли.

— Отойдите от окна, — по-военному скомандовал отец Ахмета.

Он взял за плечи свою жену и сына и отвёл в глубь комнаты.

Уже больше двух недель заокеанские поборники демократических перемен, со скошенными до боли глазами на подземные нефтяные моря Ирака, штурмуют города и селения, продвигаясь в глубь страны. Отец Ахмета ничуть не удивился такому повороту событий. Не удивился он и тому, что не последовало сопротивления американским войскам. Из городка регулярные войска Саддама ушли накануне, уверяя население, что готовится специальная операция по нанесению урона оккупантам в другом месте, а здесь принимать бой — только силы распылять.

Баррикады на въезде в городок строили местные ополченцы, но их смяли быстро, на ходу. Часть же защитников города просто побросала оружие и разбежалась, не выдержав огневого напора наступающих войск, часть погибла на месте. Расстрелянные в упор танковыми орудиями, ополченцы даже опомниться не успели. Силы были явно неравны.

— К окну не подходи, Ахмет, — отец повернулся к сыну, потом быстро закрыл створки.

— Почему?

— Там стреляют, — Тагир рукой показал в окно, — шальная пуля может залететь.

— Шальная пуля, — передразнил отца Ахмет и засмеялся.

Уже совсем близко затараторили очередями автоматы. Ухнуло орудие так, что окна задребезжали, дом вздрогнул.

Ахмет закрыл глаза, испуганно съёжился. «Шальная пуля», — промелькнуло в голове. Он испугался. В его тихом городке ещё никогда так не грохотало. Отец обнял его.

— Бояться не нужно, главное — к окнам не подходить, — ещё раз повторил отец. — Играй в этом углу. И да хранит тебя Аллах.

Тагир вышел в другую комнату, набрал номер телефона. На работе не отвечали. Телефон директора школы тоже молчал. Экран включённого телевизора рябило. Радио, заглушаемое оккупационной армией, визжало и хрипело на разные лады. — Я в школе, — сказал Тагир жене, обняв её за плечи. — Да хранит нас Аллах.

В подвале школы, где Тагир работал учителем, уже давно хранилось оружие на случай предстоящей войны. Ещё один схрон устроили на пустыре за спортивной площадкой, где под большими каменными глыбами зияли пустоты. Вход замаскировали, «посадив» сухой куст. Большинство учителей, как и он, решили не воевать. «Ради чего воевать? — думал он. — Саддам струсил, спрятался. Болтать он мастер, а как прижали, так в кусты». Так думали многие. Тагир накинул лёгкую куртку. — Будь осторожным, — тихо сказала Фатима. — Меня не тронут — я в гражданской одежде.

Тагир вышел во двор, обогнул дом. Школа дымила разбитыми окнами, сквозь чёрные клубы дыма прорывалось пламя. Из одного окна, потом и из другого беспорядочно затараторил автомат. На площади перед школой толпились люди, истошно кричала какая-то женщина. Тагир увидел, как развернулась башня танка, наведя ствол в сторону разрушенной наполовину школы. Ухнуло оружие, стена обрушилась, и с новой силой вздыбилось пламя над пыльными клубами, разбежавшимися в разные стороны. Смолкли автоматные очереди из школьных окон. На время установилась тишина, как показалось Тагиру — зловещая. Сердце защемило. Он видел, как американские танки, разворачиваясь на месте, смяли клумбы, снесли спортивный турник, уничтожили тяжёлыми гусеницами изгородь из декоративного кустарника. Дети сами сажали кусты, ухаживали, поливали. Был там и кустик Ахмета. Как раз именно тот куст попал под железо. Тагира передёрнуло, словно от тяжкого предчувствия.

Пыль немного рассеялась, к Тагиру подбежали трое американских солдат. Один с размаху ударил прикладом в плечо, другой резко развернул, дёрнув куртку сильной рукой, бросил его к стене лицом. Грубо обшаривая одежду, солдаты больно тыкали прикладом или стволом автомата где-то между рёбер, что-то кричали прямо в ухо. Тагир не сопротивлялся. Да и как может сопротивляться безоружный человек трём вооружённым до зубов, обученным солдатам?

Горькая обида и стыд, беззащитность и щемящее бессилие перед грубой наглостью и беспардонностью солдат, пришедших на его землю якобы для его же свободы, не давали возможности сосредоточиться. «Не увидели бы ученики», — промелькнуло в голове. Он оглянулся и тут же получил удар прикладом в лицо от темнокожего янки. Солдаты, перекинувшись репликами и обыскав, оставили Тагира, стоящего лицом к стене, а сами побежали в сторону идущего одинокого старика. Та же унижительная процедура. Тагир сделал шаг в сторону старика, но его остановил солдат, нацелив автоматный ствол. Сердце гулко колотилось, в висках зашумело до боли, и он сделал ещё шаг. Ствол автомата в руках солдата опустился,

вздрогнул, и рядом под ногами вздыбилась сухая земля, порхнув пылью. Тагир замер и только теперь понял всю опасность своего положения. Вспомнил о сыне, о жене.

Солдат что-то кричал, помахивая автоматом, давая понять, что ему лучше удалиться. А те двое обыскивали старика, тыкая его стволом автомата. Тагир видел, как изгибался тот от боли. Старик повернулся и крикнул: — Уходи, Тагир, не связывайся. . .

И тут же голову старика встряхнул удар. Он присел на колено, затем встал, отвернувшись к стене. Такого унижения он ещё не испытывал. — Не прикасайтесь к старику, нечестивые! Аллах покарает вас! — крикнул Тагир.

И снова под ногами взвизгнули пули.

Он шёл домой, низко уронив голову. Тяжёлые думы возвращали его к стоящему лицом к стене уважаемому Мухамеду, известному в посёлке аскакалу, служащему в мечети сторожем и садовником уже много лет. Говорят, и отец его, и дед ухаживали за зелёными газонами. Все деревья вдоль каменной изгороди посажены его руками, руками его отца и деда. Многих путников спасала от иссушающей жары тень выращенных деревьев. Два сына этого святого человека погибли в бессмысленную войну с соседним Ираном. Однако старый Мухамед в каждой молитве просил у Всевышнего здоровья и благополучия Саддаму и неистово молился за спасение душ убиенных сыновей своих.

Тагир поравнялся с мечетью, нырнув в спасительную тень, снова вспомнил старика, стиснув от бессилия кулаки.

Свернув на свою улицу, Тагир ещё издали увидел на площади, где-то напротив своего дома, два остановившихся танка и бронемашину. Несколько солдат, останавливая одиноких прохожих, быстро их обыскивали, и те уходили, понурив головы. Здесь, на площади, где народу сновало побольше, откровенной грубости солдаты себе не позволяли. Тагир перешёл на противоположную сторону улицы, где ещё сохранилась укоротившаяся тень. Окончательно испортившееся настроение нагоняли унылые воспоминания о недавней службе в армии.

Где она, эта «народная» и «непобедимая» армия? Где те танки и самолёты, которыми так гордился «мудрый» и «великий» Саддам?

Конечно, ему никогда не забыть тех марш-бросков под палящим солнцем, того тычка в зубы, той наглой улыбки офицера, так внешне похожего на Саддама. Саддамовские усы носили в то время все офицеры от самого низшего чина до генералов. Так было модно. В моду вошли и саддамовские потешки, когда за малейшую провинность солдат заставляли до потери сознания ползать по горячему песку, не давая пить, или не позволяли спать провинившемуся. И когда тот начинал валиться

от усталости, получал палкой по пяткам или по пальцам. И он терпел, как и многие, те лишения и оскорбления. Но от своего офицера. Но как же больно терпеть унижения от оккупанта, цинично заявлявшего ещё вчера, что он освободит его Родину от кровавого тирана. А звал ли я вас наводить порядок в моём доме? И почему вы думаете, что ваша рука на моём горле приятней?

Тагир замедлил шаг. Он и не заметил, как вышел на площадь. Что-то заставило его оглянуться. На другой стороне площади американский солдат, закованный в броню, стоя на бронемашине, прицеливался из винтовки в сторону его дома. Он боковым зрением заметил, как в окне что-то заблестело. — Не стрелять! — крикнул он, срывая голос. — Не стрелять!

Тагир побежал в сторону солдата, отчаянно махая руками, затем развернулся в сторону открытого окна. Его Ахметка стоял у окна и каким-то блестящим предметом отражал солнечные зайчики.

— Уйди от окна! — кричал уже в падении Тагир.

Как некстати запнулся он за вывороченный бульжник.

Он не услышал выстрела.

Он не почувствовал боли от удара о камень.

Он ничего не успел увидеть.

Отдалённые голоса вернули его в действительность.

Но вот голоса стали отчётливей, и он увидел свою жену с распущенными волосами и с сыном на руках. Пошатываясь и не понимая произошедшего, он бросился навстречу, снова упал. Кровь липкой струйкой противно текла по лицу, закрывая глаза. Подоспели несколько человек. Кто-то помог Тагиру удержаться на ногах. Он подбежал к жене и взял на руки обмякшего Ахмета.

— Папа, мне больно, шальная пуля... — шептал он. — Потерпи, сынок, сейчас отправим тебя в госпиталь к дяде Амиру. Он спасёт тебя, — Тагир склонился над сыном, поцеловал его.

Кровь с его виска капала на волосы сына, стекала струйкой по подбородку и смешивалась с сыновней кровью где-то у правого плеча мальчика. — Машина нужна! Саид, заводи свою! — крикнул сосед Тагира, услышавший его слова.

Народ заволновался, заголосила Фатима и бросилась через площадь к бронемашинам. Солдаты соскочили с машин, выстроившись неприступной серой стеной.

— Вот этот рыжий стрелял, я видел, — кричал мужчина в белой футболке.

Фатима бросилась на него, замахнувшись своим маленьким женским кулачком. Рыжий трусливо съёжился, приподняв плечи и прикрывшись рукой. Рядом стоявший товарищ выскочил навстречу женщине и ударом приклада уложил её на мостовую.

— Don't come up! Не подходить! — крикнул он в толпу.

Толпа остановилась, замерла. Солдаты оцетинились автоматами.

— Back forward! Назад! — закричал опешивший рыжий и с перепугу дал автоматную очередь под ноги остановившейся толпе.

Несколько человек упали, подкошенные рикошетами. Солдаты, пользуясь замешательством, чётко по команде забрались в стоявшие за их спинами боевые машины.

Взрели мощные двигатели, и колонна, поднимая пыль, тронулась с места. «Победители» растворились в пыли. «Побеждённые» остались на площади маленького городка.

В микроавтобус сначала усадили Фатиму, на руки ей уложили слабеющего Ахмета. Всё происходило словно во сне. Голоса окружающих людей мальчик слышал плохо, будто издалека. Временами вокруг всё затихало, потом снова появлялись голоса, шум двигателя. Очнулся снова Ахмет уже от покачивания машины. Рядом в микроавтобусе находилось ещё несколько окровавленных человек. Кровь, кровь, кровь...

— Папа, — прошептал Ахмет.

— Папа остался там, дома, — все не могут поместиться в машине, — шептала Фатима. — Он будет молиться. Аллах поможет. Аллах любит детей.

— Я не хотел... Я не послушал тебя... Нельзя подходить к окну... шальная пуля, — бредил мальчик.

II.

Тагир пытался связаться со своим братом Амиром, работающим хирургом в госпитале, но напрасно: связи с госпиталем, что находился в соседнем городе, не было. Не смог он связаться и вечером. Через созданные оккупантами блокпосты днём проскочить невозможно, ночью машины из городка тоже не выпускали: комендантский час. Неизвестность не давала сомкнуть глаз. Ночь показалась долгой и бесконечной. Казалось, утро так и не наступит. Тагир ходил из угла в угол, через каждые несколько минут подходил к окну, вглядываясь в темноту. Электричество к вечеру починили, но он не включал свет и мерил в темноте километры своего бесцельного пути.

На следующий день прорваться в госпиталь тоже не удалось. Прошёл слух, что на блокпосту произошло какое-то чрезвычайное происшествие и дорога заблокирована. Пытавшихся проехать в обход по пескам американцы без предупреждения расстреливали из орудий.

Жить в неведении выше всяких сил. Мольбы и молитвы, обращённые к Аллаху, больше не унимали душевную боль.

— Пешком пойду, — сказал Тагир своему соседу. — Не могу больше терпеть. Я должен знать, что с моим сыном.

— Это самоубийство. Ты потерял много крови, ты можешь нарваться на засаду, на патруль. Пошадь от этих «освободителей» не жди. Сам знаешь.

— Пойду. На всё воля Аллаха.

— Ты не спал сутки...

— Я когда-то служил в армии Саддама. Я ещё не такое переносил. Там и по трое суток спать не давали.

Солнце клонилось к закату, теряя свою яркость, и последние лучи его, скользя по пескам, уже не жгли, а нежно касались всего в округе, отбрасывая длинные тени. Тагир сначала направился на пустырь, что за школой, где под сухим, посаженным для маскировки кустом было спрятано оружие. «Зачем мне оружие? Я ведь не воевать иду».

Он понимал, что, взяв оружие, он может ввязаться в бой, а это неизбежный конец. Умирать ему нельзя. Он нужен своему сыну, своей Фатиме живым. Они нуждаются в его помощи.

Уже в сумерках Тагир направился на север. Он шёл по низине, пригибаясь, прячась за одинокие камни. Услышав шум моторов, Тагир прижался к земле, но поздно: его заметили.

— Стой! Кто идёт?— на английском крикнули в сумерках.

Тагир не отвечал. Он знал, что трусливые аме-риканцы побоятся его преследовать, тем более в наступающей темноте, но свинцовым огоньком огустят с удовольствием.

Он скатился по осыпающемуся песку и залёг в углубление под большим камнем. Глубоко под камень уходила суживающаяся щель. В таких местах водятся змеи, и, вспомнив армейскую науку, он снял ботинок с ноги, надел его на руку. Просунув защищённую руку в углубление, с шумом поскрёб по нависающему камню. Так проделал ещё и ещё. И не зря: из-под камня выползла огромная гюрза и, изгибаясь, уползла восвояси. Он отвоевал себе небольшое пространство в этом мире, суженном лихолетьем до размеров гроба.

Застрочили автоматы, песок вокруг вздыбился пылью, взвизгнули пули. «Пуль не жалуют. Щед-рые»,— подумал Тагир. Ухнуло орудие. Большой обломок камня рухнул сверху, завалив выход из его убежища. Тагир успел убрать ноги, свернувшись клубком. Ещё несколько раз выстрелили из орудия или гранатомёта. Пули визжали вокруг, густо фаршируя песок свинцом. Быстро стемнело, и стрельба прекратилась. Мощные фонари реза-ли темноту, но лучи скользили поверху. Низина лучами не просвечивалась.

Тагир с трудом отодвинул свалившийся камень, бесшумно выскользнул из своего укрытия, ка-кое-то время прополз по ещё тёплому песку, затем поднялся и пошёл, сгибаясь скорее по привычке, чем по необходимости.

Он сначала шёл, пробуксовывая в песке, спо-тыкаясь о камни, затем повернул влево в надежде

выйти на дорогу. До самого города ему не встрети-лась ни одна машина: комендантский час соблю-дался неукоснительно.

В том месте, где дорога делала крутые пово-роты, обходя небольшие каменные возвышен-ности, он в лунном свете увидел двух мужчин. Они что-то делали у обочины, разговаривая по-лушёпотом на родном языке. Прячься было поздно, да и почему он должен избегать встречи со своими? Будь что будет. И он подошёл почти вплотную.

— Кто идёт?— спросили его.

Автоматы, ещё секунду назад торчавшие за их спинами, щёлкнули затворами.

— Я иду в город. Туда увезли моего раненого сына. Наш посёлок оцеплен, никого не выпускают. Мой сын там, в госпитале,— Тагир махнул рукой в сто-рону уходящей в темноту дороги.

Он вкратце поведал о своей беде.

Автоматы опустили стволы в землю.

— Не один ты такой. У него,— повёл в сторону седо-бородого молодой человек, одетый в спортивный костюм,— вся семья погибла.

Немного помолчали. Тот, что постарше, внима-тельно разглядывал Тагира, его пыльную рубашку, повязку с присохшей кровью на голове, брюки, ещё не потерявшие некогда наглаженную стрелку, лёгкие летние туфли.

— Кем работаешь?— спросил сипло.

— Учителем. Меня Тагиром зовут.

— Закури, учитель,— с почтением сказал молодой, протягивая сигарету.

— Я не курю, спасибо.

Новые знакомые Тагира прикурили, прикрыв-вая огонёк ладонями, как поступают, укрывая огонь от ветра. Курили, пряча сигареты в полу-сжатом кулаке, оглядываясь время от времени по сторонам.

— Я в мечеть ходил,— после паузы продолжил старший.— Домой возвращаюсь— дома нет. Зачем разрушать дом, где оставались одни женщины? Теперь у меня нет ни жены, ни дочери, ни моей сестры. Почему должны погибать женщины и дети? Ради чего? Я не хочу менять жизнь своих родных на какую-то свободу. А будет ли она, эта свобода?— хриплым голосом поведал о своём горе седобородый, тот, что стоял сбоку.

— Посмотри на него: он посидел за одну ночь.

— Мне когда-то отец говорил: бойся, Хасан, ду-раков и трусов. Один не ведает, что делает, по глупости, другими не разум руководит, а страх. Они снесли мой дом потому, что он стоит на пере-крёстке и «может угрожать безопасности»,— забыв об осторожности, Хасан, жестикулируя руками, заговорил громко.— Они поступили как труссы... Женщин испугались...

Тагиру вспомнился тот рыжий янки, вжавший трусливо голову от взмаха женской руки.

Все трое, словно по команде, завертели головами, всматриваясь в темноту.

— Я пойду,— тихо сказал Тагир.

— Иди. Никому ни слова о нас,— прохрипел Хасан.

— Понятно.

Только теперь у обочины прямо под ногами Тагир увидел вырытые ямы и всё понял: минируют дорогу. Ночь помогла им.

Луна давала только то количество света, которое необходимо, чтобы не сбиться в пути. Дорога очерчивалась тенями от сваленных камней по обочинам, изгибалась змеёй, уходила в посеребрённую даль, сливаясь там, впереди, с бесконечной ночью. Холодно мигали застывшие в тишине звёзды, нагоняя грусть и ноющую душевную боль. Тагир оглянулся, словно запоминал приметы этого места среди пустыни, поднял руку, прощаясь с ночными собеседниками. Лицо Хасана, обрамлённое серебром, терялось в темноте. Чуть ссутулившись, опираясь автоматом на придорожный булыжник, он долго стоял неподвижно. Тагир ещё там, на площади, понял, что свобода, пришедшая из-за океана, несёт на своих полосато-звёздных плечах страдания и лишения для многих. «У меня ещё есть надежда...» — подумал он, вспоминая слова седого Хасана.

— Надумаешь к нам — мы в тех скалах, — уже вдогонку тихо сказал молодой и махнул рукой назад. — Американцы боятся таких мест. Только днём нас не найдёшь.

— Да, я знаю, как найти, эти места мне знакомы, — Тагир шагнул в темноту.

— Да поможет тебе Аллах.

Хасан молчал, поглощённый своим горем, своими тяжёлыми думами.

Уже за полночь Тагир подобрался к городу. Он осторожно прижимался к стенам крайних домов, находя в их тени защиту. Город он знал как свои пять пальцев, и даже отсутствие света не было ему помехой. Тёмные улицы непривычно пустынно. Только на въезде, на перекрёстке, ярко горели походные фонари и фары боевых машин. Шагающие солдаты то возникали чёрными истуканами, то так же внезапно проваливались в темноту. «Наверное, блокпост», — Тагир свернул в знакомый тёмный проулок. Его никто не заметил. Многоэтажные безглазые дома, заслонявшие луну, добавляли прохладной ночи темноты и мрачности. Ни одно окно не озарялось светом, казалось, что город умер.

Постучав в знакомую дверь, Тагир осмотрелся по сторонам. Подождал. За дверь спросили:

— Кто?

— Это я — Тагир, открой, брат, — он удивился своему глухому голосу.

Его знобило — не то от ночного холода, не то от непомерной усталости и напряжения. Дверь тут же отворилась. Амир стоял с керосиновой лампой в руке.

— Что случилось? О Аллах! Ты ранен. Заходи, брат, заходи, — Амир взял его за руку, завёл в квартиру и продолжил: — У нас сегодня выключили свет. Ты как оказался здесь в такой час? — и, не дождавшись ответа, спросил тревожно: — А где Фатима, Ахмет?

Вопрос брата острым ножом резанул сознание Тагира. В горле пересохло.

— Я позавчера отправил их к тебе в госпиталь, — прошептал Тагир. Он понял, что произошло что-то непоправимое. — Значит, ты их не видел?

Глубоко за сердцем противный холодок сбил дыхание и пополз к горлу. В голове образовалась серая пустота, мысли остановились. Недоброе предчувствие холодной змеёй заползло в самую душу.

— Нет, — донёсся до его помутневшего сознания глухой и жестокий звук. Голос брата показался чужим.

— Может, они поступили не в твою смену? — Тагира не покидала последняя надежда.

— Этого не могло случиться. Я сейчас не выхожу из госпиталя. Вот только домой пришёл. Сейчас столько раненых... Работаем круглосуточно. Что случилось с ними? Да рассказывай же! — Амир смотрел на побледневшее лицо брата.

В блёклом свете керосиновой лампы его восковое лицо казалось неживым. Только запёкшаяся, просочившаяся сквозь повязку кровь и побуревшие кровавые подтёки коричнево-грязно распятали его лик. Глубоко запавшие глаза усталились вдаль сквозь стены и кромешную темень, не замечая ни брата, ни этого мигающего огонька, ни этих монстров-теней, качающихся на стенах. — Позавчера Ахметку ранил американец. Я отправил его с Фатимой на машине Саида к тебе в госпиталь. Там было ещё несколько раненых, — Тагир сделал паузу. Воспоминания разбередили рану, голос задрожал. — Они могли попасть в другую больницу? — цеплялся за последнюю соломинку раздавленный горем Тагир.

— Всё может быть. Сейчас все больницы принимают раненых. Но ночью нам их не найти. Вымойся, переоденься и ложись отдохнуть. И мне нужно немного поспать. Я ведь двое суток за операционным столом... А завтра с помощью Аллаха искать будем, — Амир протянул руку за снятой рубашкой. — Только пусть Айгуль не стирает: там кровь Ахметки.

— Я скажу. Мою наденешь.

— Аллах накажет этих американцев за всё горе, что мы терпим, — сказала тихо Айгуль.

Никто и не заметил её, тихо вытиравшую в темноте слёзы.

III.

Ничего не снилось Тагиру. Он провалился в бездну, он забылся тем глубоким сном, который бывает только у смертельно уставшего и смертельно

оскорблённого человека. Такой сон спасителен и очищающ, он заканчивается быстро и удесятряет силы. И только смертельно раненные уже не могут проснуться и возносятся ко Всевышнему праведниками ли, мучениками ли тихо, не имея сил прервать его.

— Вставай, брат. Отдохнул хоть немного?

— Слава Аллаху! — он не встал — вскочил с кровати. — Поехали, Амир, искать Фатиму и Ахметку. — Одевайся, — протянул свою одежду Амир. — Сначала позавтракаем и поедем: я уже машину из гаража пригнал.

Тагир молча ел ту еду, что подала Айгуль, но если бы кто-то спросил, что подавалось на завтрак, то он бы ни за что не вспомнил. Он односложно отвечал на вопросы, но не смог бы вспомнить, о чём шла речь.

Тагир всю дорогу сидел, понурился головой, и молчал, иногда покачивая головой в знак согласия на предложения брата:

— Сначала заедем ко мне в госпиталь. Во-первых, ещё раз просмотрим все списки поступивших за последние сутки. Необходимо убедиться, что у нас их нет. А во-вторых, мне нужно предупредить начальство. Потом начнём с дальней больницы в пригороде и пойдём к центру.

Тагир кивнул головой.

— Если и там не найдём... Придётся справиться, ты уж извини, брат... в морге.

Амир, понимая, что всё могло случиться, решил уже сейчас психологически подготовить брата, хотя у самого при слове «морг» голос дрогнул. К удивлению Амира, Тагир кивнул головой в знак согласия, не проявив никаких эмоций.

В приёмном отделении среди тридцати двух раненых, поступивших за последние двое суток, ни Фатимы, ни Ахмета не числилось. Не поступали в госпиталь и другие раненые из его селения. — Если хочешь, можешь пройти со мной в отделение. Я хоть на ходу, мельком должен осмотреть своих тяжёлых больных.

Тагир снова покорно кивнул, послушно пошёл за братом. Запах — вот что поразило его больше всего. Запах болезни и смерти. Этот спрессованный зловонный дух заполнял всё пространство, и было очевидно, что, впитавшись в одежду, будет ещё долго преследовать любого, рискнувшего появиться здесь.

На ходу молодая медсестра как-то обыденно успела доложить Амиру, что два человека умерли ночью. Голос её плавал в гулком, переполненном ранеными коридоре. Столько боли и горя так близко Тагир ещё не видел. И те двое стариков, потащивших укутанное в грязное тряпье тело, и этот мужчина с трубками, торчащими из живота, и ребёнок с широко открытыми глазами, заполненными слезами боли, — всё это навалилось на него тяжёлым грузом.

— А тот безнадежный, раненный в грудь, попросил кушать и пожаловался, что постель жёсткая, — долетело до Тагира.

— Значит, будет жить, — сказал Амир, — и он ещё будет спать на мягких перинах.

То, что увидел Тагир в палате, произвело на него странное впечатление: он долго ещё не мог поверить, что всё это существует на самом деле, что он не спит, что он видит своими глазами эту огромную палату, переполненную горем и страданиями. Будто попал он в другой мир, мир кошмаров и страшных видений. Стонали стены, потолок, стонал пол и всё, что нагромоздилось в этом зловонном пространстве большого зала. Койки почти соприкасались. Проходы между ними были настолько узкие, что едва позволяли протиснуться врачу или медсестре. Сказать, что палата была переполненная, — значит, сказать только полправды.

Одна койка пустовала, ещё на одной — лежал человек, накрытый с головой белым когда-то покрывалом с побуревшими следами крови и ещё какими-то разноцветными пятнами. «Двое умерли ночью», — вспомнились слова медсестры. Комок сдавил горло, сладковато-приторный зловонный запах не давал дышать, в глазах поплыло, койки завертелись вокруг.

Очнулся Тагир уже во врачебном кабинете. Он лежал на ободранном диванчике, не понимая, как попал сюда. Рядом сидела та медсестра в белом халате. Тагир сначала увидел её большие грустные глаза. Её губы шевелились, но слов он не слышал. Она встала, и подвинутый ею стул скрипнул. Кабинет наполнился звуками.

— Где я? — услышал он свой слабый голос.

— В ординаторской. Так я сделаю вам чай? — вопросительно посмотрела она. И Тагиру показалось, что она уже задавала ему этот вопрос.

— Да, пожалуйста, если вам не трудно.

Горячий чай окончательно вернул его к действительности. От запаха, хоть не такого резкого, как там, в палатах, снова подступила дурнота, и Тагир повернул голову влево, вправо. Дверь была закрыта. В кабинете, кроме диванчика, на котором он лежал, стояли два стареньких письменных стола, на стенах висели какие-то плакаты.

— Ваш брат на операции. Поступил тяжелораненый. Он просил подождать, — угадала она беспokoйство Тагира.

— Вы извините меня. Нервы... — Тагир потрогал повязку, наложенную братом ночью.

— Я всё знаю, мне рассказал ваш брат. Я пока перевяжу вас. Лежите, лежите.

Её руки быстро управлялись с привычной работой. Тагир отметил, как ловко, не причиняя боли, она, подхватывая то пинцет, то ножницы, обрабатывала рану, промокала тампоном просочившуюся сукровицу. Бинт в её руках разматывался легко и ложился виток за витком.

— Всё, отдохните. Доктор скоро освободится,— медсестра поправила повязку.

Что-то родное почудилось в этих женских руках. Тагир пристально посмотрел ей в глаза.

И глаза...

— Спасибо. Как вас зовут? У вас такие нежные руки, как... — он запнулся.

— Гюльшат,— женщина опустила ресницы.

— Меня зовут Тагиром. Я ищу свою жену и сына.

Они уехали в ваш госпиталь... Мой Ахметка ранен.

— Я знаю... Доктор рассказал мне... Сейчас так много людей теряется. Но вы своих обязательно найдёте. Аллах поможет вам. Моего мужа схватили американцы, увезли куда-то. Не нужно было ему сопротивляться. Говорят, в тюрьму посадят, в ту, куда раньше при Саддаме уже попадал. Три года тогда отсидел за свой язык,— Гюльшат взяла марлеву салфетку, промокнула заблестевшие слёзы.

Потом Гюльшат ушла. Какое-то время в ординаторской он оставался один. Тагир лёжа рассматривал развешанные медицинские плакаты. Зазвонил телефон. Спрашивали хирурга.

— Он на операции,— ответил Тагир.

— Значит, операция ещё не закончилась?

— Нет, позвоните, пожалуйста, позже.

Голос женщины на том конце провода дрожал от волнения.

— Да, я позвоню потом. Дай силы ему, Аллах!

Кому просила дать силы женщина? Хирургу? Раненому? «Дай им силы, Аллах... и удачи»,— подумал Тагир.

Когда тоненькая ниточка удерживает жизнь, когда жизнь борется со смертью, только удача, только помощь Всевышнего может благополучно решить этот спор.

Как много, а иногда как мало требуется для спасения жизни. Тагир мерил шагами врачебный кабинет. Конечно же, его Ахмет и Фатима попали в другую больницу. Ахметке сделали операцию, и он теперь ждёт своего отца. Он обязательно сегодня найдёт своего сына. Вот только освободится Амир, и они обедают все больницы, они найдут. Тагир остановился возле стола. Рядом с телефоном лежал список всех больниц города с телефонами. Он даже взял трубку и начал набирать номер... «Нет, по телефону могут дать не ту информацию, они могут что-то перепутать, могут не понять меня... Нужно ехать...»

За спиной хлопнула дверь. На пороге стоял Амир. На осунувшемся лице глубже обозначились морщины, глаза провалились.

— Умер,— тихо сказал он.— Мы ничего не смогли сделать: всё в руках Аллаха.

У Тагира оборвалось внутри. Даже руки задрожали. Недобрый знак.

Амир тяжело сел, облокотившись на стол, обнял голову, застыв на какое-то время.

— Поехали,— он пружинисто встал, и стал снимать халат.

— Звонили,— еле выдавил Тагир.

Брат не ответил.

В детскую больницу Ахмет с Фатимой не поступали, не нашли их и в других больницах.

Переживший все потрясения последних двух суток, Тагир уже без боязненного трепета перешагнул порог морга. Он не замечал запаха смерти, отнявшего, казалось, весь кислород без остатка в этом сыром полуподвальном помещении с заплесневелыми стенами. С указанием мельчайших подробностей он отвечал на вопросы человека в глянцево-фартуке с красными, воспалёнными от недосыпания и едкого смрада глазами. Большие несуразные очки не могли спрятать той тихой же печали, которая легко угадывалась при первом же взгляде.

После короткой беседы глаза за этими огромными очками увлажнились, усталились в стол и больше не встретились ни разу с глазами Тагира.

Рассудок Тагира проявился, и он внимательно рассматривал предоставленные вещи усопших, уложенные в отдельные пакеты. Часто именно одежда или предметы, найденные на месте происшествия, помогли установить личность погибшего.

Тагир уже знал самое страшное. Но его уже ничего не пугало. Осталось найти своих родных. Осталось предать тела земле, согласно вековым обычаям.

Тагир бережно уложил найденный комнатный тапочек жены, лоскут халата, обрывки рубашки своего сыночка.

— Я могу это забрать?

— Да. Конечно,— ответил сиплый голос.— Но вам предстоит ещё одно тяжёлое испытание,— голос прокашлялся,— вам нужно опознать останки...

— Я готов,— твёрдо произнёс Тагир.

Уже на следующий день к вечеру на глаза Тагиру попались газеты. Он перевернул страницу первой попавшей и прочитал: «...американскими солдатами уничтожен микроавтобус с номерными знаками... не остановившийся у блокпоста пос... в котором находились мирные жители. Погибли девять человек... Все лица гражданские... Среди них один ребёнок и одна женщина...»

«Саид не виноват, он спешил в госпиталь с ранеными»,— прошептал Тагир.

«Американскими солдатами расстреляна машина с журналистами телекомпании „Аль-Рабийя“ при невыясненных обстоятельствах. Погибли два журналиста телекомпании».

«В результате открытой американскими солдатами беспорядочной стрельбы из автоматического оружия погибли несколько мирных жителей».

«Убит журналист американским снайпером. Журналист стоял у окна гостиницы с фотоаппаратом в руках».

«Американцы обстреляли из самолётов свадьбу в отдалённом ауле... Погибли десятки мирных жителей, в том числе и невеста с женихом...»

«В городе Байджик погибла иракская семья. В результате случайно сброшенной американской авиабомбы дом полностью разрушен и погибли все находившиеся в доме, в том числе и трое детей. Американцы объясняют случившееся ошибкой...»

Тагир тяжело поднялся, бросил газеты на журнальный столик и направился к выходу.

— Ты куда на ночь собрался? — спросила тихо Айгуль.

— Я похоронил Ахметку и Фатиму. Мне теперь не по пути с солнцем. Луна и звёзды мои попутчики... А днём я их не найду.

— Кого? — не понял Амир.

— Тех, кто поможет мне найти и покарать убийц.

«В Ираке совершён очередной террористический акт, один из самых мощных за последнее время, в результате погибли одиннадцать американских пехотинцев, десять тяжело ранены... Сработало взрывное устройство на обочине дороги в момент прохождения колонны...»

И тут же американский пресс-секретарь: «Мы скорбим... они погибли не напрасно...»